

Мария СМЕРНОВА

Школьное образование в болгарских колониях Бессарабии во второй половине XIX века: нормативно-правовая база

CZU: 73(477+478)(=163.2)"19"

<https://doi.org/10.52603/rec.2026.39.20>

Rezumat

Învățământul școlar în coloniile bulgare din Basarabia în a doua jumătate a secolului al XIX-lea: cadrul normativ-juridic

În articolul de față se acordă o atenție deosebită analizei cadrului normativ-juridic, care a stat la baza reformării sistemului de învățământ în coloniile bulgare din sudul Basarabiei în a doua jum. a sec. al XIX-lea. Este analizat în detaliu procesul de transfer al instituțiilor de învățământ din subordinea Ministerului Domeniilor Statului în competența Ministerului Instrucțiunii Publice, proces care a marcat un moment de cotitură în evoluția educației diasporei bulgare. Principalele acte normativ-juridice, ce au stipulat organizarea învățământului primar în această perioadă, erau Regulamentele cu privire la școlile primare populare din 1864 și 1874, documente, care au instituit noi standarde în ceea ce privește administrarea, finanțarea și conținutul procesului educațional. Se examinează în detaliu mecanismele de control a școlilor, inclusiv instituirea sistemului de inspecții și consolidarea supravegherii din partea autorităților eparhiale. Se subliniază că aceste reforme educaționale reflectau strategia imperială generală de rusificare. Totodată, regulamentele educaționale au creat, într-o anumită măsură, cadrul juridic prielnic pentru introducerea limbii bulgare ca obiect de studiu în unele instituții de învățământ, precum Școala Centrală din Comrat.

Cuvinte-cheie: coloniile bulgare, Basarabia, învățământ, cadru normativ-juridic, supraveghere eparhială

Резюме

Школьное образование в болгарских колониях Бессарабии во второй половине XIX века: нормативно-правовая база

В данной статье особое внимание уделяется анализу нормативно-правовой базы, которая лежала в основе реформирования системы образования в болгарских колониях Южной Бессарабии во второй половине XIX в. Подробно анализируется процесс передачи образовательных учреждений из ведения Министерства государственных имуществ в Министерство народного просвещения, что стало переломным моментом в развитии образования болгарской диаспоры. Основными нормативно-правовыми актами, регламентировавшими организацию начального образования в данный период, являлись Положения о начальных народных училищах 1864 и 1874 гг., которые установили новые стандарты управления, финансирования и содержания образовательного процесса. В статье детально рассматриваются механизмы кон-

троля, осуществляемого в отношении школ, включая внедрение системы инспекций и усиление надзора со стороны епархиальных властей. Подчеркивается, что эти образовательные реформы отражали общую имперскую стратегию русификации. Вместе с тем образовательные регламенты в определенной степени создавали благоприятную правовую основу для введения болгарского языка в качестве учебного предмета в ряде учебных заведений, в частности в Центральном училище города Комрат.

Ключевые слова: болгарские колонии, Бессарабия, образование, нормативно-правовая база, епархиальный надзор

Summary

School Education in the Bulgarian Colonies of Bessarabia in the Second Half of the 19 Century: the Legal and Regulatory Framework

The article focuses on an in-depth analysis of the legal and regulatory framework that underpinned the reform of the educational system in the Bulgarian colonies of Southern Bessarabia in the second half of the nineteenth century. Particular attention is paid to the process of transferring educational institutions from the authority of the Ministry of State Domains to the jurisdiction of the Ministry of Public Education, a shift that marked a turning point in the development of education within the Bulgarian diaspora. The main legal instruments were the Regulations on Primary Public Schools of 1864 and 1874, which introduced new standards in terms of administration, financing, and the content of the educational process. In the article also are examine in detail the mechanisms of control exercised over schools, including the introduction of an inspection system and the strengthening of supervision by eparchial authorities. The author emphasizes that educational reforms in the Bulgarian colonies reflected the general imperial strategy of Russification. At the same time, the educational regulations created, to a certain extent, a favorable legal framework for the introduction of the Bulgarian language as a subject of study in certain educational institutions, such as the Central School in Comrat.

Key words: Bulgarian colonies, Bessarabia, education, legal and regulatory framework, eparchial supervision

В 60-70-е гг. XIX в. в Российской империи, одновременно с земельной, земской и военной реформами, осуществлялись преобразования в сфере школьного образования. Реформа в этой области была продиктована прежде всего разви-

тием капитализма, настоятельно требовавшим расширения системы образования, увеличения числа грамотного населения и подготовки специалистов для промышленности, сельского хозяйства и торговли (Новаков 2004: 225).

Сложившаяся в дореформенные десятилетия система народного образования была не в состоянии обеспечить решение возникших проблем. Поэтому сразу после издания законодательных актов по крестьянской реформе 1861 г. специальная комиссия Министерства народного просвещения – Ученый комитет – приступила к разработке проектов реформирования системы народного образования.

Стоит отметить, что школьная реформа затронула и колонии болгарского водворения в Южной Бессарабии, часть которой (вместе с 46 колониями), согласно Парижскому мирному договору 1856 г., оставалась в составе Российской империи (Новаков 2004: 234).

Реформа образования прежде всего затронула систему начального образования. В связи с этим 14 июля 1864 г. было обнародовано «Положение о начальных народных училищах» (Положение 1864: 1226-1281).

Согласно данному документу, к категории начальных относились все школы, расположенные в селах и городах, независимо от источника их финансирования – будь то государство, сельская община или частные лица. Эти учреждения предназначались для обучения детей обоюго пола, вне зависимости от их сословного происхождения (Челак 1999: 55). Допускалось совместное обучение мальчиков и девочек, что являлось новшеством для своего времени. Хотя продолжительность обучения не была строго регламентирована, на практике она составляла в среднем 2-3 года.

При создании начальных народных школ были определены цели, направленные на «укрепление религиозных и нравственных понятий» и распространение элементарных знаний среди народных масс (Ст. 1) (Положение 1864: 1226). В связи с этим в школьную программу вошли следующие предметы: Закон Божий (краткий катехизис и священная история), чтение светских и церковных книг, письмо, четыре арифметических действия и, там, где это возможно, – церковное пение (Ст. 3). Преподавание религии и нравственно-религиозный контроль возлагались на местного священника или учителя религии. Другие предметы преподавались служителями церкви или лицами, уполномоченными школьным советом.

Интересным остается вопрос о языке преподавания в начальных народных училищах. «Положение» 1864 г. хотя и устанавливало обязательное обучение на русском языке, все же учитывало специфику местных условий, особенно на окраинах империи. В документе признавалось, что требование преподавания во всех народных училищах только на русском языке является практически невыполнимым в тех местностях, где он не используется в повседневной жизни населения и недостаточно понятен детям (Положение 1864: 1265).

Положение допускало использование родного языка в учебном процессе, особенно на начальном этапе обучения. Отмечалось, что преподавание учебных предметов должно начинаться на языке, понятном учащимся. Обучение на неродном языке приводит к механическому заучиванию, не развивает мышление и может вызывать у детей отчуждение от школы. В этой связи родной язык рассматривался как необходимое средство начального обучения и усвоения базовых знаний (Положение 1864: 1265).

При этом документ предусматривал постепенный переход к русскому языку как языку дальнейшего обучения. Русский язык рассматривался не как обязательный стартовый язык преподавания, а как язык, к которому учащиеся должны были переходить по мере усвоения учебного материала и накопления языковой практики. Такой подход был рекомендован для инородческих и окраинных регионов империи, а также местностей с иными языковыми, религиозными и культурными особенностями.

В целом «Положение о начальных народных училищах» 1864 г. закрепляло принцип вариативности и гибкости организации обучения, признавая допустимым и педагогически оправданным использование родных языков в народных училищах при сохранении курса на постепенное овладение русским языком. Этот подход отражал стремление сочетать задачи государственного образования с реальными образовательными потребностями многоязычного населения Российской империи.

В данном контексте стоит отметить, что именно благодаря «Положению о начальных народных училищах» в колониях Болгарского водворения «русской части Бессарабии» был введен болгарский язык. Реализацию данного процесса осуществлял Павел Калянджи, назначенный инспектором болгарских училищ в ноябре 1861 г. (Челак 1999: 170).

Павел Калянджи твердо верил в необходимость обучения болгарских колонистов на родном языке. В своей статье «О запоздалом просвещении бессарабских болгар», опубликованной в газете «Цариградски вестник» в марте 1862 г., он обращал внимание на то, что в болгарских колониях «<...> дети и колонисты не знают и не понимают русский язык» (Калянджи 1862: 107). Это, по его мнению, приводило к тому, что родители отказывались отводить своих детей в школу. В связи с этим Калянджи начал вводить болгарский язык в тех учебных заведениях, где обучались болгарские колонисты (Калянджи 1862: 107).

Важным шагом в деле утверждения болгарского языка в системе образования стало его преподавание в Комратском начальном двухклассном училище, а позднее – в открытом на его основе в 1868 г. «Высшем центральном бессарабско-болгарском училище». Проводником идеи введения болгарского языка был все тот же Павел Калянджи, который в 1862 г. стал главным учителем в Комратской школе (Челак 1999: 172). В отличие от школ в других поселениях, где преподавались только основные предметы, в Комратском училище начали изучать болгарскую историю и язык, всеобщую и русскую историю, географию, русскую грамматику, зоологию, ботанику и основы хозяйства. Такая разнообразная программа не могла не привлечь учеников из других колоний. Таким образом, данное учебное заведение неформально стало «центральным» для всех колоний «русской части Бессарабии» (Челак 1999: 172).

Важную роль в развитии школьного образования как в Бессарабии, так и в болгарских (уже бывших) колониях, сыграло «Положение о начальных народных училищах» от 14 июля 1874 г. В соответствии с этим документом, управление начальными школами болгарских колоний было передано в ведение Управления народных училищ, подчиненных Министерству народного просвещения Российской империи.

«Положение» 1874 г. ввело ряд новшеств во внутреннее устройство школ и учебные программы по сравнению с «Положением» 1864 г.

Во-первых, производилась четкая классификация учебных заведений: церковно-приходские, министерские (приходские и частные), ведомственные, воскресные школ (ст. 1-3); было разрешено совместное обучение обоих полов, но при этом оговаривалось, что оно предусматривалось лишь для девочек не старше 12 лет, в то время как в воскресных школах обучение продолжало быть раздельным (ст. 7).

Важно, что в школу принимали учеников всех сословий и вероисповеданий (ст. 6). Учителя утверждались инспекторами и училищными советами, с обязательным испытательным сроком (в один год) (ст. 18). Закон Божий мог преподавать только священник или законоучитель, назначенный духовным ведомством (ст. 16) (Положение 1874: 836-840).

Существенные изменения в этот период имели место и в учебных программах, а именно: акцентировать внимание на религиозно-нравственном воспитании, унифицировать набор учебных предметов, ввести обязательное церковное пение, сделать особый акцент на ключевой роли изучения русского языка (ст. 4).

Представляет интерес вопрос административной иерархии в рамках новой реформы. В соответствии с «Положением» 1874 г. непосредственное руководство начальными школами возлагалось на Управление народных училищ, что обеспечивало административную и методическую координацию с общеимперской системой образования (ст. 19).

В то же время сохранялся контроль за духовно-нравственной стороной обучения, осуществляемый епархиальным архиереем, что показывает преемственность традиционной роли православной церкви в образовательном процессе (ст. 17).

Следует подчеркнуть, что изменение правового статуса болгарских колонистов привело и к изменению управления в области образования. В 1871 г. царские власти официально упразднили колонистский статус, и болгарские поселенцы Бессарабии были переведены в разряд крестьян-собственников. Вследствие этого встал вопрос о переводе школ, действовавших в бывших колониях, в ведение Министерства народного просвещения (Новаков 2004: 237). Этот шаг ознаменовал новый этап в процессе интеграции болгарских переселенцев в общеимперскую систему образования и способствовал постепенному включению их учебных заведений в рамки единой государственной образовательной политики.

После продолжительной переписки между Министерством государственных имуществ и Министерством народного просвещения Главным комитетом по устройству сельского состояния было принято решение, утвержденное 28 августа 1876 г., согласно которому: «<...> сельские школы бывших болгарских колоний в губерниях Бессарабской, Херсонской и Таврической ныне же передать в ведение Министерства народного

просвещения с тем, чтобы до разрешения общего вопроса об устройстве училищной части в селениях бывших иностранных поселенцев те из болгарских школ, которые будут соответствовать условиям Положения о начальных училищах 25 мая 1874 г., подлежат заведованию училищных советов, а те, которые по этим условиям не отвечают, чтобы заведовались исключительно директорами и инспекторами народных училищ» (Новаков 2004: 237).

Во исполнение данного распоряжения директор народных училищ Бессарабской губернии, по предписанию попечителя Одесского учебного округа, направил в болгарские волости Бендерского и Аккерманского уездов инспектора Петра Сороку и начальника Комратского бессарабско-болгарского центрального училища Ст. Говедарицу. В течение июля 1877 г. они, в присутствии сельских старост, писарей, законоучителей и основных учителей, приняли по актам имущество всех 46 одноклассных сельских народных училищ, а также двух двухклассных женских училищ – в Комрате и в Кубее, в которых обучение велось по программам, соответствующим курсу двухклассных сельских школ. Кроме того, в систему Министерства народного просвещения было включено и Бессарабско-болгарское четырёхклассное центральное училище в Комрате (Новаков 2004: 237).

С этого момента началось систематическое приведение учебного процесса в болгарских и гагаузских поселениях в соответствие с актуальными нормативными положениями и инструкциями Министерства народного просвещения. Началась комплектация школ преподавателями со специальной педагогической подготовкой, как в уже действовавших, так и во вновь открывавшихся одноклассных и двухклассных, отдельных или смешанных по полу школах. Обучение стало осуществляться по утвержденным Министерством народного просвещения учебным планам и программам, с использованием допущенных учебников и учебных пособий. Таким образом, в этих поселениях стала последовательно реализовываться общегосударственная образовательная политика Российской империи.

Следует отметить, что в указанный период система начального образования в Российской империи по-прежнему включала три уровня. Первый представляли одноклассные училища с трехлетним сроком обучения, к числу которых относились министерские, земские и церковно-приходские школы. Второй уровень составляли

двухклассные училища, именуемые также образцовыми министерскими, с пятилетним курсом обучения. Эти учреждения создавались как альтернатива одноклассным школам, а с 1874 г. начали открываться повсеместно по всей территории Российской империи. Согласно проекту Министерства народного просвещения, основная задача этих школ заключалась в обеспечении учащихся более полного и системного начального образования по сравнению с сельскими учебными заведениями, учрежденными в соответствии с «Положением» 1874 г. (Инструкция 1875: 269-277). Регламентировала организацию и содержание образовательного процесса в вышеуказанных школах «Инструкция для двухклассных и одноклассных начальных народных училищ Министерства народного просвещения», утвержденная в 1869 г. и изданная в 1875 г. Документ определял структуру обучения, перечень предметов и методические рекомендации для учителей (Инструкция 1875: 269).

Двухклассные и одноклассные училища открывались, как для мальчиков, так отдельно и для девочек; в случаях крайней необходимости допускалось обучение в одном училище детей обоего пола с соблюдением условий, а именно: мальчики должны были быть не старше 14 лет, а девочки – не старше 12 лет; девочки и мальчики должны были сидеть на разных скамьях (Ст. 26).

Помимо базовых дисциплин – Закона Божьего, русской грамматики, отечественной истории, географии России, арифметики, основ геометрии, черчения и естествознания – в учебный план входили также физическое воспитание, основы садоводства и плодоводства, практические занятия по рукоделию (раздельно для мальчиков и девочек) (Ст. 5).

В школах с одним классом обучение продолжалось три года и включало изучение религии, русского языка, каллиграфии, арифметики и церковной музыки, тогда как в школах с двумя классами обучение занимало пять лет. В последних, помимо ранее упомянутых предметов, вводились основы истории, географии, природоведения и черчения (Ст. 3).

Стоит отметить, что длительность обучения и расширенная программа в школах с двумя классами рассматривались как эффективные инструменты русификации, особенно в регионах с преобладанием инородцев. Предполагалось, что такой подход способствует превращению учащихся в «русских людей» с развитым чувством принадлежности к русской культуре (Осоков 1982: 20).

В Комратской и Чадыр-Лунгской волостях такие училища начали функционировать с 1877 г.: в этом году было открыто одно училище, в 1878 – двенадцать, в 1879 г. – два, а в 1882–1883 гг. – еще пять училищ в четырех болгарских волостях Аккерманского уезда. Следует подчеркнуть, что в 40 бывших болгарских колониях Южной Бессарабии, входивших в Измаильский уезд и воссоединенных (9 октября 1878 г.) с Бессарабской губернией Российской империи, к 1902 г. насчитывалось 64 учебных заведения, подведомственных Министерству народного просвещения. Среди них – 49 одноклассных школ (в том числе 15 – для мальчиков, 15 – для девочек и 19 – смешанных), 4 двухклассных училища, 1 шестиклассная женская прогимназия и 1 классическая гимназия в городе Болград, а также 5 школ грамотности (Новаков 2024: 239).

Выводы

Из вышеизложенного следует, что школьные реформы второй половины XIX в., реализованные в Бессарабии в царский период, оказали существенное влияние на повышение уровня грамотности и развитие начального образования среди болгарских переселенцев. Это подтверждается данными первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: болгары заняли шестое место по числу грамотных мужчин и женщин среди всех народов, проживавших в Бессарабии, а гагаузы – седьмое место среди мужчин и восьмое среди женщин. Подобные результаты выглядят особенно значимыми, если учитывать, что болгары, переселившиеся в регион в начале XIX в., практически не имели доступного образования. За сравнительно короткий исторический период – менее ста лет, под воздействием образовательных реформ и при активном участии местных общин был достигнут ощутимый прогресс. Несмотря на то, что обучение велось преимущественно на русском языке, именно в это время предпринимаются попытки включения болгарского языка в учебные планы. Павел Калянджи, один из представителей болгарской возрожденческой интеллигенции, стал проводником этой идеи.

Таким образом, вторая половина XIX в. стала важным этапом трансформации школьной системы в болгарских колониях Бессарабии. Нормативно-правовая база, особенно после принятия Положения 1874 г., способствовала включению этих школ в общеимперскую систему начального образования. В то же время сохранялось влияние духовенства, особенно в вопросах нравственного воспитания.

Литература / References

Инструкция для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения. In: Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, № 15, 1875, 269-277. / Instrukciya dlya dvuklassnyh i odnoklassnyh sel'skih uchilishch Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. In: Kishinevskie eparhial'nye vedomosti. Kishinev, № 15, 1875, 269-277.

Калянджи П. За укоснялото просвещение на бесарабските българи. In: Цариградский вестник, 1862, 3 март, 107-108. / Kaljandzhi P. Za ukosnjaloto prosveshhenie na besarabskite balgari. In: Carigradskij vestnik, 1862, 3 mart, 107-108.

Новаков С. Социально-экономическое развитие Болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1918). Кишинев: Ф. Е.-П. „Tipografia Centrală”, 2004. / Novakov S. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Bolgarskih i gagauzskih sel Juzhnoj Bessarabii (1857–1918). Kishinev: F. E.-P. „Tipografia Centrală”, 2004.

Осоков А. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). Москва: Просвещение, 1982. / Ososkov A. Nachal'noe obrazovanie v dorevolucionnoj Rossii (1861–1917). Moskva: Prosveshchenie, 1982.

Положение о начальных народных училищах 1874 года. In: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 3. СПб., № 2502, 1097-1127 / Polozhenie o nachal'nyh narodnyh uchilishchah 1874 goda. In: Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2. T. 3. SPb., № 2502, 1097-1127.

Положение о начальных народных училищах 14 июля 1864 г. In: Полное собрание законов Российской империи. Т. 39. СПб., 1867, № 41472, 167-179 / Polozhenie o nachal'nyh narodnyh uchilishchah 14 iyulya 1864 g. In: Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. T. 39. SPb., 1867, № 41472, 167-179.

Челак Е. Училищно дело и культурно-просветният живот на българските преселници в Бесарабия (1856–1878 г.). София: ЛИК, 1999. / Chelak E. Uchilishchno delo i kulturno-prosvetniyat zhivot na bŭlgarskite preselnici v Besarabiya (1856–1878 g.). Sofiya: LIK, 1999.

Статья поступила в номер 18.01.2026

Утверждена к публикации 16.06.2026

Maria Smirnova (Chișinău, Republica Moldova). Doctorandă, Școala Doctorală Științe Umaniste și ale Educației, Universitatea de Stat din Moldova.

Мария Смирнова (Кишинев, Республика Молдова). Докторантка, Докторантская школа в области гуманитарных наук и образования, Государственный университет Молдовы.

Maria Smirnova (Chisinau, Republic of Moldova). PhD student, Doctoral School of Humanities and Education Sciences, Moldova State University.

E-mail: smirnova.maria@taraclia.edu.md

ORCID: 0000-0001-9095-9140